

УДК 811.11-112

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-22-36

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ПЕРФЕКТА С *HABBAN* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ (на примере поэтических текстов)

Е. В. Разумных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования, цель которого — выявить и описать структурно-семантические особенности становления в древнеанглийском аналитических конструкций с глаголом *habban*, давших начало современным глагольным формам перфекта. В качестве материала были выбраны три древнеанглийских поэтических памятника — «Беовульф», «Андрей» и «Елена», которые в совокупности позволяют получить достаточную выборку и сравнить характеристики рассматриваемого явления в текстах, схожих по жанровой принадлежности, но разных по своему происхождению. Методология исследования включает, помимо прочего, приемы вербоцентрического моделирования, использование которых для обозначенной цели в других работах не отмечается и потому определяет новизну настоящего исследования. Полученные данные позволили разделить на три группы общее количество предложений с предикативным комплексом *habban* + V_{pp} , полученных с помощью сплошной выборки. Первая из них отмечена субъектно-объектной структурой, наличием правого актанта — прямого дополнения и четко выраженной семантикой посессивности, которая реализуется за счет глагола *habban*. Во второй группе правая валентность комплекса расширяется, а семантика посессивности затемняется в результате появления дополнительных актантов и сдвига семантического фокуса на причастие. К третьей группе относятся случаи реализации *habban* + V_{pp} с непереходными глаголами, где правая валентность предикативного комплекса может носить факультативный характер, а сами формы демонстрируют наивысшую степень грамматикализации глагола *habban*. Дополнительным инструментом анализа стали аллитерационные схемы поэтических текстов, которые указали на существенные различия в участии глагола *habban* в аллитерации в тех контекстах, где он является полнозначным глаголом, и там, где он входит в состав сочетания с причастием прошедшего времени, что наглядно демонстрирует десемантизацию *habban* и его переход к роли служебного элемента. В результате исследования сделан вывод о поэтапном расширении функционального потенциала глагола *habban* и использовании грамматикализованных форм уже на древнем этапе существования английского языка.

Ключевые слова: древнеанглийский язык; перфектные формы с *habban*; вербоцентрическое моделирование; грамматикализация; поэтический текст.

Цитирование: Разумных Е. В. Особенности грамматикализации аналитических форм перфекта с *habban* в древнеанглийском (на примере поэтических текстов) // Вестник Нижегородского

государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 3 (71). С. 22–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-22-36.

On Grammaticalization of Analytical Perfect Tense Forms with *Habban* in Old English (as Exemplified by Poetic Texts)

Elena V. Razumnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The article presents the results of a study whose aim is to identify and describe the structural and semantic features of the emergence of analytical verb forms *habban* + V_{pp} in Old English, which gave rise to the modern verbal forms of the perfect. Three Old English poetic monuments—*Beowulf*, *Andreas*, and *Elene*—were selected as the source material; collectively, these allow for a sufficient sample size and enable a comparison of the characteristics of the phenomenon under investigation in texts that are similar in their genre affiliation but different in their origin. The research methodology includes continuous sampling, content analysis, and verbocentric modeling; the latter is not typically applied in studies of a similar type and therefore offers a new perspective on the issue. The results of the study made it possible to identify three major groups of sentences comprising *habban* + V_{pp} as a complex predicate. The first group is characterized by the subject-object structure, direct object as the right actant and explicit possessive meaning due to *habban*. In the second group, the right valency of the predicate widens, while the possessive meaning becomes less obvious due to additional actants and the overall shift of the semantic focus from *habban* to the past participle. The third group includes sentences where *habban* bands with the past participle of intransitive verbs, the right valency of the predicate complex becomes optional, and *habban* reaches the highest level of grammaticalization. Alliteration patterns of the poetic texts proved to be an additional tool for our analysis, as they revealed that the involvement of *habban* into alliteration may be significantly different in cases where it appears to be a full verb as compared with those contexts where it makes part of the complex predicate. The results of the study confirm the extensive functional potential of *habban* in Old English accompanied with active development of perfect tense forms.

Key words: Old English; perfect forms with the verb *habban*; verbocentric sentence theory; grammaticalization; poetic text.

Citation: Razumnykh, Elena V. (2025) On Grammaticalization of Analytical Perfect Tense Forms with *Habban* in Old English (as Exemplified by Poetic Texts). *LUNN Bulletin*, 3 (71), 22–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-71-3-22-36.

1. Введение

Грамматические и семантические особенности формирования аналитических глагольных форм, и в частности перфекта, в истории английского языка неоднократно становились объектом исследовательского внимания. Данная проблематика в разное время была освещена в трудах А. И. Смирницкого,

Б. А. Ильиша, В. Н. Ярцевой, О. А. Смирницкой, Р. Хогг, Э. Трауготт, Б. Митчелл и других исследователей. Традиционная и разделяемая большинством ученых точка зрения сводится к тому, что современные формы перфекта в английском языке развились из некогда свободного сочетания полнозначного глагола *habban* с посессивной семантикой и причастия прошедшего времени.

При этом подчеркиваются особые отношения, которые устанавливались между посессивным глаголом, причастием и присутствующим в предложении дополнением. Так, В. Н. Ярцева пишет о расширении глагольно-объектной группы, которое могло происходить за счет различных частей речи, в том числе и причастия, выступающего в роли предикативного определения к дополнению глагола-сказуемого *habban*. Синтаксическая позиция такого определения была двойственной. С одной стороны, оно имело тесную связь с дополнением и составляло с ним единый комплекс по отношению к сказуемому, выступая в роли второго винительного падежа. С другой стороны, функция логического сказуемого, присущая такому причастию, наделяла его предикативностью и позволила со временем отделиться от прямого дополнения и сблизиться с личной формой глагола *habban*, которая стала выполнять вспомогательную функцию (Ярцева 2022). В схожем ключе размышляет и С. Д. Кацнельсон. Исследуя функционирование причастия в роли предикативного атрибута в обширном корпусе древнегерманских языков, он выделяет группы глаголов, допускающих конструкцию с двойным винительным падежом. Среди глаголов обладания именно глагол «иметь» обнаруживает склонность к служебной функции, что способствует развитию у него формального значения и нарушению согласования причастия с первым винительным падежом (Кацнельсон 2010: 337–338).

Более обширную характеристику значению формирующейся перфектной конструкции дает О. А. Смирницкая. Непосредственным синтаксическим источником и архетипом перфекта она называет общую для всех германских языков посессивную конструкцию *haben + V_{pp}* или в более широком варианте: $N_{\text{nom}} + V_{\text{haben}} + N_{\text{acc.}} + V_{\text{pp acc.}}$. Причастие прошедшего времени, выступающее здесь в роли незамкнутого расширения, выполняло целый ряд не дифференцированных между собой функций — предикативную, атрибутивную и обстоятельственную. Преобразование данной конструкции в аналитическую форму перфекта было стимулировано особой семантической природой глагола *haben*, функциональное положение которого среди всех транзитивных глаголов можно сравнить с положением глагола бытия среди нетранзитивных глаголов (Ист.-тип. морф. 1977: 31–33; Смирницкая 1965).

Особая семантика глагола *habban*, способствующая его переходу к роли вспомогательного элемента, отмечается и зарубежными исследователями. В коллективном фундаментальном труде, посвященном истории английского

языка, Э. Трауготт пишет, что древнеанглийский имел некоторый набор глаголов, которые, функционируя в качестве полнозначных, могли в определенных контекстах приобретать ряд характеристик, присущих современным вспомогательным глаголам, и указывать на время, вид или модальность действия (Traugott 2005: 186). Способность глагола *habban* выступать в составе единого комплекса с причастиями непереходных глаголов, а также с причастиями переходных глаголов, объект которых выражен существительным в иных падежах помимо винительного, позволяет предполагать, что *habban* мог выполнять вспомогательную функцию уже в древнеанглийском (аналогичный взгляд на время формирования перфектных форм представлен у [Leski 2010; Johannsen 2016]). Исходная конструкция с адъективным значением состояла предположительно из основного глагола *habban* с посессивной семантикой, объекта и адъективного причастия прошедшего времени, которое выполняло предикативную функцию по отношению к объекту. Трансформация полнозначного глагола *habban* во вспомогательный подразумевала переосмысление роли причастия как части глагольного комплекса.

Рассматривая процесс формирования аналитической формы перфекта в древневерхненемецком языке, известном своей генетической общностью и многочисленными грамматическими параллелями с древнеанглийским, В. М. Жирмунский обозначает несколько этапов преобразования сложного сказуемого. На первом из них глагол *haben* имеет значение «держать», которое далее преобразовалось в «иметь, владеть», и требует в силу своей семантики указания на материальный объект владения, с которым согласуется причастие прошедшего времени. На следующем этапе появляются сочетания с абстрактным, нематериальным объектом или вообще без объекта, в связи с чем утрачивается флексия причастия. Развитие грамматического значения у первоначально посессивного по своему значению оборота завершается с возможностью употребления в нем непереходных глаголов несовершенного вида, например *ich habe geschlafen*, где глагол *haben* может иметь исключительно грамматическую функцию (Жирмунский 2015: 255). При этом значение у зарождающейся аналитической формы было видовое, указывающее на достижение некоторого результата, и лишь впоследствии оно было переосмыслено во временное (Филичева 2003: 91); об этапах развития семантики перфектных форм в индоевропейских языках см. также (Типология результативных конструкций 1983).

Среди доступных работ последних лет проблематика перфектных форм в древнеанглийском освещается в статьях В. А. Бондаря, описывающих критерии выделения перфекта в древнеанглийском (Бондарь 2019), разницу между перфектными формами с глаголами *wesan* и *habban* (Бондарь 2017), а также семантические различия между разновидностями конструкции *habban* + V_{pp} с флектированной и нефлектированной формой причастия (Бондарь 2018).

Таким образом, несмотря на то, что в поле зрения исследователей каждый раз попадают различные аспекты, связанные с формированием и функционированием аналитических форм перфекта с *habban* в древнеанглийском (общая семантика предикативного комплекса, характер связи между его компонентами, наличие или отсутствие флексии у причастия), ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что непременным условием появления таких форм была десемантизация и связанная с ней грамматикализация изначально полнозначного глагола *habban*, который, утратив со временем свое посессивное значение, стал выполнять функцию служебного элемента в сочетании с причастием прошедшего времени. Очевидно при этом, что такая трансформация не могла произойти мгновенно и была растянута во времени. Более того, высока вероятность того, что даже на отдельно взятом синхронном срезе и в рамках отдельных письменных памятников можно обнаружить различные по степени грамматикализации сочетания *habban* с причастием прошедшего времени.

Изложенным предположением определяется цель настоящего исследования, заключающаяся в анализе семантических и структурных закономерностей, присущих сочетанию *habban* + V_{pp} на древнеанглийском этапе как показателей развития аналитических форм с перфектным значением. Актуальность исследования заключается в широком смысле в пополнении данных диахронического изучения древнегерманских языков и сведений об истоках современных перфектных конструкций в английском языке, а в более узком смысле — в реконструкции механизма грамматикализации указанного сочетания и выявления внутренней логики развития грамматического значения у его первоначально свободных компонентов. Полученные данные могут в дальнейшем иметь применение в ходе сопоставительного анализа схожих направлений грамматикализации в германском ареале или за его пределами.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала для настоящего исследования был взят ряд древнеанглийских поэтических памятников: героико-эпическая поэма «Беовульф» и две религиозные поэмы — «Елена» и «Андрей», авторство первой из которых приписывается Кюневульфу, а автор второй неизвестен. Предполагается, что текст «Андрея» может быть переводом с латинского оригинала, который в свою очередь основан на греческой легенде, однако исследователями было отмечено сходство манеры изложения и лексических особенностей данной поэмы с «Беовульфом». Использование нескольких памятников позволяет, во-первых, получить достаточное количество языковых структур выбранного типа, а во-вторых, провести их анализ и сравнение друг с другом в текстах разного происхождения и времени создания. К примеру, текст «Беовульфа», как считается, бытовал в устной традиции задолго до того, как был фактически

записан, это дает основания полагать, что здесь можно обнаружить аутентичные структуры, уходящие своими корнями в дописьменную эпоху. Методология исследования определяется его целью и включает в себя методы сплошной выборки, контекстуального анализа, а также метод вербоцентрического моделирования, использование которого в других работах схожей тематики не отмечено, но который, как будет показано далее, позволяет сделать важные наблюдения применительно к рассматриваемому языковому явлению.

Приступая к анализу поэтических текстов, нельзя не сделать важную оговорку о том, что язык древнеанглийской поэзии, подчиняющийся особым требованиям жанра, законам ритма и аллитерации, существенно отличается как от сохранившихся текстов всех других жанров, так, по-видимому, и от бытовавших в Средневековье норм устной речи. Уникальное место среди всех поэтических памятников занимает текст «Беовульфа», который демонстрирует, по меткому замечанию М. Годдена, особую степень развитости поэтического языка (Godden 2005: 509) и содержит большое число лексических единиц и их сочетаний, не повторяющихся не только в языке прозы, но даже и в других поэтических произведениях. Несмотря на это, есть основания полагать, что результаты исследования, объектом которого являются формирующиеся глагольные формы перфекта с *habban*, не будут существенно искажены данной особенностью. Характеризуя язык древнеанглийской поэзии, М. Годден указывает, что его специфической особенностью является особый акцент на существительных и прилагательных в ущерб глаголам и наречиям, которые довольно редко входят в круг лексических единиц, фигурирующих исключительно в поэзии. В этом смысле язык поэтических произведений является скорее именным, чем глагольным (там же: 501). В связи с этим можно ожидать, что глагольные конструкции в целом не будут являться уникальными ни в плане словотворчества, ни в части конструктивных особенностей, и их анализ даст вполне объективную картину исследуемого грамматического явления в древнеанглийском. Более того, как будет показано далее, в ряде случаев именно присущая поэзии ритмико-аллитерационная организация стиха поможет выявить некоторые характеристики грамматикализации перфектных форм.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Глагол *habban*

В своем прямом значении обладания глагол *habban* употребляется в исследованных текстах в 42 случаях (26 в «Беовульфе», 9 в «Андрее», 7 в «Елене»). Как правило, в них идет речь о наличии у персонажей некоторых конкретных материальных объектов, таких как оружие, дом, украшения и т. д. Ср.:

(1) *Hafa nu ond geheald / husa selest* (Beo, 658) — *имей теперь и охраняй лучший из домов* (орфография примеров здесь и далее сохранена в соответствии с используемыми источниками; перевод примеров здесь и далее наш. — Е. Р.);

(2) *Næbbe ic fæted gold ne feohgestreon* (Andreas, 302) — *Нет у меня ни украшенного золота, ни денег.*

В некоторых случаях в роли материального объекта обладания выступают люди, и тогда высказывания приобретают переносный смысл, указывая на пребывание (присутствие) этих людей рядом с тем персонажем, который является субъектом предложения. Ср.: (3) *hæfde wigena to lyt* (Elene, 63) — *имел (при себе) слишком мало воинов.*

В ряде случаев глагол *habban* используется для описания персонажей, указывая на их душевное состояние или некоторые внутренние и внешние качества (сила, мужество, терпение), а также на отношение героев друг к другу. В этих случаях объект обладания выражен существительным с абстрактным значением. Ср.: (4) *þa ðe ...// mægn ond modcraeft / mæste hæbben* (Elene, 407–408) — *те, кто больше всего силы и разума имеют;*

Характерной особенностью тех контекстов, где глагол *habban* реализуется в своем прямом значении обладания, является его активное участие в аллитерации как особом средстве ритмико-интонационного построения и художественной выразительности текста. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в тексте «Беовульфа», где из всех отмеченных случаев с посессивной семантикой (26) чуть менее половины (12) обнаруживают включенность данного глагола в аллитерационную организацию стиха, напр.: (5) *ne mægð scyne // habban on healse / hringweorðunge* (Beo, 3016–3017) — *ни одна дева прекрасная не будет иметь на шее украшение (из колец).* Примечательно, что функцию объекта в таких случаях выполняют, как правило, существительные конкретной семантики. В тексте «Андрея», напротив, можно встретить аллитерационные схемы с абстрактными существительными: (6) *Ne hele se ðe hæbbe / holde lare* (Andreas, 1164) — *Пусть не скрывает (свои знания) тот, кто имеет добрые знания.* Случаев аллитерации с полнозначным глаголом *habban* в тексте «Елены» с наименьшей выборкой не выявлено.

3.2. Глагол *habban* в сочетании с причастием прошедшего времени (*habban* + *Vpp*)

Случаи сочетания глагола *habban* с причастием прошедшего времени оказываются во всех проанализированных текстах гораздо более частотными по сравнению с теми предложениями, где он используется как самостоятельный. Общая выборка таких примеров, составляющая 74 единицы (45 в «Беовульфе», 17 в «Андрее», 12 в «Елене»), является семантически неоднородной,

что позволяет разделить все отмеченные случаи на несколько групп в зависимости от семантических характеристик глагола *habban* и сочетающегося с ним причастия.

1. К первой группе относятся те предложения, контекстуальный анализ которых позволяет достаточно четко обнаружить в них значение посессивности, реализуемое предикативным комплексом '*habban* + V_{pp} ' за счет указания на некоторое действие, осуществляемое субъектом и непосредственно направленное на объект, и приобретение в результате этого какой-либо выгоды действующим субъектом. Иными словами, субъект, совершая некоторое (зачастую физическое) воздействие в отношении объекта, как бы «получает» последнего в свое владение. Само действие при этом обозначается причастием прошедшего времени, а семантика посессивности, или приобретения, выражается за счет соответствующей формы глагола *habban*. Ср.:

(7) *hu hit Hring-Dene // æfter beorþege / gebun hæfdon* (Beo, 116–117) — как его (зámок) даны после пиршества заняли (букв. 'имели зámок занятым, т. е. получили его в свое владение');

(8) *þa þe snyttro cræft // þurh fyrngewrito / gefrigen hæfdon* (Elene, 154–155) — те, кто искусство мудрости через древние письма познали (букв. 'имели изученным, т. е. получили знания').

Отдельную подкатегорию в рамках первой группы составляют случаи, в которых причастие прошедшего времени образовано от глагола чувственного восприятия или обнаружения, а в роли объекта выступает придаточное предложение как отдельная синтаксическая конструкция, описывающая то, что было услышано или обнаружено действующим субъектом. Ср.: (9) *Nu ic, god dryhten, / ongiten hæbbe // þæt ðu...* (Andreas, 896) — Сейчас я, Господь Бог, понял, что ты...

Типологическое сходство с данными примерами обнаруживают случаи, где в придаточном предложении говорится о последствиях действий, совершенных субъектом. Сам субъект приобретает при этом некое новое состояние, напр.: (10) *þu þe self hafast // daedum gefremed / þæt þin dom lyfað // awa to aldre* (Beo, 953–955) — ты себе делами обеспечил, что твоя слава живет вечно (букв. 'имеешь себе обеспеченным, что...').

В. Н. Ярцева считает, что способность предикативного комплекса *habban* + V_{pp} сочетаться не только с прямым дополнением, но и с отдельным предложением доказывает развитие перфекта в древнеанглийском как единой грамматической формы, подразумевающей грамматикализацию и превращение *habban* в связочный глагол, хотя и с оговоркой о том, что данный процесс был полностью завершен лишь в среднеанглийский период (Ярцева 2022: 226). В настоящей работе вышеуказанные случаи, тем не менее, относятся к первой группе, где значение обладания все еще достаточно очевидно. Несмотря на то,

что семантика причастий в примерах 9–10 не предполагает осуществления субъектом каких-либо активных действий в отношении объекта, смысл высказываний сводится к получению субъектом в свое обладание некоторой информации или приобретению им нового состояния. В связи с этим есть основания полагать, что полная десемантизация, необходимая для грамматикализации глагола *habban*, еще не происходит, хотя возможность замены прямого дополнения придаточным предложением, безусловно, свидетельствует о расширении возможностей структурной сочетаемости предикативного комплекса. Такое усложнение конструкции и одновременно абстрактный характер объекта способствует некоторому затемнению значения посессивности, проявляющегося у глагола *habban* в сравнении с примерами 7–8, где объект лаконично и точно выражен существительным.

2. Ко второй группе относятся предложения, которые, как и предложения первой группы, имеют субъектно-объектную структуру с прямым дополнением, однако описываемое ими действие во всех случаях носит абстрактный характер и не подразумевает непосредственного, в том числе физического, воздействия на объект. В связи с этим семантика посессивности или приобретения чего-либо субъектом оказывается еще более затемненной, чем в примерах 9–10 в составе первой группы. Ср.:

(11) *ge feor hafað / faehðe gestaeled* (Beo, 1340) — *и далеко разнес свою злобу* (букв. ‘имеет злобу разнесенную’);

(12) *swa him frea migtig, // scyppend wera, / gescrifen hæfde* (Andreas, 786–787) — *как ему господь всемогущий, творец людей, предписал* (букв. ‘ему предписанным имел’);

(13) *hafað mec bereafod / rihta gehwylces* (Elene, 909) — *лишил меня всех прав* (букв. ‘имеет меня лишенным всех прав’).

Как правило, смысл примеров в составе данной группы не подразумевает получения субъектом в свое обладание ни самого объекта, ни чего-либо с ним связанного, ни новой информации или состояния. Иными словами, если в первой группе результат действия, который заключался в обладании чем-либо (кем-либо), имел направленность к субъекту, то в данной группе действие направлено от субъекта вовне (ср. пример 11 выше – не ‘приобрел’ злобу, а, наоборот, ‘разнес’, т. е. ‘распространил’ ее по всему свету). Более того, в предложениях данной группы именно объект зачастую становится обладателем некоторого нового состояния, переживаемого им в результате действий субъекта (см. примеры 12–13).

Отличительной особенностью предложений второй группы является частое расширение их структурной схемы за счет дополнительных участников описываемой ситуации, которые отсутствовали в предложениях первой группы, а также во всех случаях самостоятельной реализации глагола *habban*. Такое

расширение может быть наглядно описано в терминах вербоцентрической концепции, в значительной степени разработанной на материале немецкого и нидерландского языков (см., к примеру, [Helbig, Buscha 1974; Миронов и др. 2001] и доказавшей ранее возможность ее применения к древнеанглийскому материалу (см. [Рючина 2006]). Так, если в примерах 7–10 глагол или предикативный комплекс управляет всего лишь одним правым актантом-объектом (понятия «левого» и «правого» актанта относятся в первую очередь к их составу, хотя и расположение их по отношению к предикативному центру зачастую соответствует принятым названиям), то здесь его валентность допускает включение в схему предложения дополнительных актантов. В круг их семантических ролей могут входить адресат, бенефициант, инструменталис, локатив и проч. Ср.:

(14) *swa him sio rice cwen // ... beboden hæfde* (Elene, 411–412) — *как им могущественная королева... приказала;*

(15) *hæfdon ealfela / eotena cynnes // sweordum gesaeged* (Beo, 883–884) — *(они) многих из рода гигантов мечами сразили;* см. также примеры 11–13.

Представляется, что именно такое структурное усложнение конструкции предложения, которое становится очевидным при сопоставлении примеров первой и второй группы, равно как и более абстрактная семантика глагола, от которого образовано причастие прошедшего времени в приведенных примерах, способствует дальнейшему ослаблению посессивного значения глагола *habban*. Данная тенденция, отмеченная в некоторых примерах первой группы, получает дальнейшее развитие с появлением в структуре предложений новых актантов, которые способствуют тому, что в центре внимания оказывается не значение обладания, а характеристики того действия, которое описывается причастием прошедшего времени. Иными словами, семантический фокус сочетания *habban* + V_{pp} смещается с глагола *habban* на причастие, а вся конструкция приобретает значение результативности действия.

3. К третьей группе относятся немногочисленные случаи сочетания глагола *habban* с причастием прошедшего времени, образованным от непереходных глаголов, не имеющих прямого объекта (3 в «Беовульфе», по одному в «Андрее» и «Елене»). Ср.:

(16) *Hæfde ða forsiðod / sunu Ecgþeowes* (Beo, 1550) — *Тогда он погиб, сын Эггтеова;*

(17) *Hæfde þa se æðeling / in geþrunge* (Andreas, 991) — *тогда тот благородный вождь внутрь зашел;*

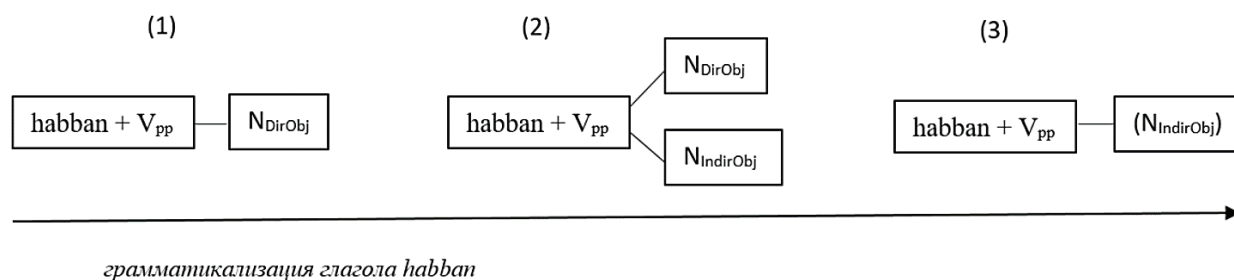
(18) *to hyde hringedstefnan //... geliden hæfdon* (Elene, 248–249) — *к пристани корабля... поплыли.*

В этих примерах тенденции десемантизации и грамматикализации глагола *habban* в составе аналитической формы проявляются в наибольшей степени, а грамматическое значение конструкции *habban* + V_{pp} все больше приближается

к современным формам перфекта, указывающим на завершённое действие, которое имеет при этом связь с настоящим. Суть процесса грамматикализации как проявления динамического характера языка сводится к тому, что некоторые абстрактные грамматические значения, не имеющие для себя готовых форм выражения, заимствуют такие формы у лексических единиц, что и становится первой ступенью трансформации в стремлении говорящих решить необходимые для них коммуникативные задачи (подробнее о грамматикализации см., напр., [Hopper, Traugott 1993; Fischer et al 2000: 284–320; Голубева 2017]). Примечательно, что развитие аналитических форм перфекта с участием посессивного глагола «иметь» является распространённым направлением грамматикализации, отмечаемым во многих языках, которые не имеют между собой генетической связи или давно разошлись в историческом развитии (Ярцева 1980: 27; Fischer 2006: 141). По-видимому, данный факт свидетельствует о единой для всех языков когнитивной основе перфектных форм, которые, как и любые другие грамматические явления, суть не что иное, как способ осмысления человеком окружающей действительности. Говоря иначе, возможность описания текущей результативности ранее свершившегося действия через сочетание с глаголом «иметь» может быть одной из базовых когнитивных схем, реализующихся в человеческом сознании вне зависимости от принадлежности к конкретному языковому коллективу. Данная идея, равно как и противопоставление форм с глаголом «иметь» и «быть», положена в основу ряда философских концепций (см., напр., [Марсель 1994]).

Описывая процесс грамматикализации, сопровождающий развитие перфектных форм в древнеанглийском, О. Фишер отмечает, что структурный и семантический сдвиг претерпевали не только сами конструкции, но и те контексты, в которых они употреблялись. По мере того, как посессивная семантика глагола *habban* ослабевала, он приобретал возможность сочетаться с элементами предложения, не способными выполнять функцию аргумента или дополнения при глаголах обладания (Fischer 2006: 139–140). Данное замечание в целом подтверждается настоящим исследованием. На рисунке представлено схематичное изображение отмеченных в текстах структурных и семантических изменений объекта в конструкции *habban* + V_{pp} , которые сопровождали грамматикализацию посессивного глагола и идиоматизацию его сочетания с причастием в целом. На первом этапе (1) данная конструкция, выступая в роли предикативного центра предложения, управляет одним правым актантом, способным исполнять роль прямого объекта, в том числе при глаголах обладания (примеры 7–10). На втором этапе (2) правая валентность перфектной конструкции расширяется за счёт дополнительных актантов, не являющихся прямыми объектами, а семантический центр конструкции смещается на причастие — именно оно требует наличия этих актантов (11–15). Значение

результативности, присущее конструкции в целом, становится более очевидным. На третьем этапе (3) рассматриваемая конструкция получает возможность употребления с непереходными глаголами, которые не имеют прямого объекта, но допускают наличие актантов — не прямых объектов (примеры 16–18), что указывает на высшую степень грамматикализации глагола *habban* и оформление конструкции в качестве полноценной перфектной формы.

Рис. Развитие объекта в перфектной конструкции с *habban*

Завершая обсуждение структурных и семантических особенностей конструкции *habban* + V_{pp} в тексте древнеанглийских поэтических памятников, нельзя не отметить существенные различия в отношении включенности глагола *habban* в аллитерационную схему в тех случаях, когда он выступает в роли полнозначного глагола, по сравнению с теми контекстами, где он является компонентом указанной конструкции, причем ярче всего эти особенности проявляются в тексте «Беовульфа», где общая выборка оказывается наибольшей. Так, если из 26 случаев самостоятельного использования *habban* в «Беовульфе» аллитерация отмечена в 12 случаях, то в составе перфектной формы он аллирует всего в двух контекстах на 45 случаев употребления (см. Табл.). Представляется, что даже с учетом ранее высказанных замечаний о том, что язык древнегерманского героического эпоса делает больший смысловой и ритмико-интонационный акцент на именах, чем на глаголах, расхождение такого масштаба не может быть случайным совпадением. Суть аллитерации в древнегерманском стихосложении состояла в использовании одинаковых согласных для выделения ударных слогов полустипа и придания тексту особой музыкальности и выразительности. Следует полагать, что глагол *habban* в составе формирующейся перфектной конструкции был лишен такого потенциала с точки зрения средневекового поэта и воспринимался иначе по сравнению с теми контекстами, где он употреблялся самостоятельно. В связи с этим можно сделать вывод о том, что определенная степень идиоматизации конструкции, подразумевающая ту или иную степень ослабления семантики *habban*, присуща всем случаям ее реализации вне зависимости от их структурных характеристик.

Таблица. Участие глагола *habban* в аллитерации в тексте «Беовульфа»

	Общее число употреблений, ед.	Контексты с аллитерацией, ед.	Доля аллитерирующих контекстов от общего числа, %
<i>habban</i> в роли полнозначного глагола	26	12	46
<i>habban</i> в сочетании с причастием прошедшего времени	45	2	4

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, употребление глагола *habban* в сочетании с причастием прошедшего времени в изученных текстах оказывается значительно более частотным, чем его самостоятельное употребление в роли посессивного глагола. Это свидетельствует, с одной стороны, о расширении его функционального потенциала, когда с ослаблением значения посессивности он получает возможность выступать в составе единого предикативного комплекса, используемого для описания крайне широкого спектра всевозможных действий и состояний. С другой стороны, распространенность конструкции *habban* + V_{pp} свидетельствует также о том, что процесс формирования перфекта в древнеанглийском уже набрал достаточную силу, поскольку именно частотность, или повторяемость, формы является ключевым фактором в ходе ее грамматикализации (Fischer 2006: 142).

Во-вторых, анализ всех случаев реализации конструкции *habban* + V_{pp} в текстах позволил установить семантическую неоднородность выборки, сопровождающуюся структурными различиями в организации предикатно-актантной схемы соответствующих предложений. Так, значение посессивности глагола *habban* оказывается наиболее явным в тех случаях, когда предикативный комплекс управляет одним правым актантом — прямым дополнением. С расширением круга правых актантов тенденции десемантизации *habban* усиливаются, а семантический центр конструкции переходит к причастию. При использовании причастий непереходных глаголов актанты могут носить факультативный характер, грамматикализация *habban* как вспомогательного глагола оказывается наиболее очевидной, а значение всей конструкции становится идентичным современным формам перфекта в английском языке.

Наконец, были выявлены существенные различия в участии глагола *habban* в аллитерационных схемах в зависимости от его реализации самостоятельно или в составе формирующейся перфектной конструкции. Аллитерация, таким образом, послужила дополнительным инструментом языкового анализа

и позволила обнаружить разницу в восприятии семантического и функционального потенциала *habban* говорящими. Данное наблюдение подтверждает его особый статус в составе конструкции *habban* + V_{pp} уже на древнем этапе развития английского языка.

Список литературы / References

- Бондарь В. А.* Перфект и формы второго причастия в древнеанглийском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 55–67. [Bondar, Vladimir A. (2018) Perfekt i formy vtorogo prichastiya v drevneanglijskom jazyke (The Perfect Tense and the Forms of Past Participle in Old English). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Vol. 17, 4, 55–67. (In Russian)]. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.5>.
- Бондарь В. А.* Перфект в древнеанглийском языке: критерии выделения / Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 100–107. [Bondar, Vladimir A. (2019) Perfekt v drevneanglijskom jazyke: kriterii vydelenija (Perfect Tense Forms in Old English: Identification Criteria). *Verkhnevolzhski Philological Bulletin*, 1 (16), 100–107. (In Russian)].
- Бондарь В. А.* Habban + причастие II с глаголами движения в древнеанглийском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 75–91. [Bondar, Vladimir A. (2017) Habban + prichastie II s glagolami dvizhenija v drevneanglijskom jazyke (Habban + participle II with Motion Verbs in Old English). *Voprosy jazykoznanija*, 5, 75–91. (In Russian)]. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0001031-3>.
- Голубева Н. А.* Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики в современном немецком языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: «Канцлер», 2017. С. 81–89. [Golubeva, Nadezhda A. (2017) Grammatikalizatsiya kak stratifitsiruyushchij faktor kategorialnoj semantiki v sovremennom nemetskom jazyke (Grammatikalization as the Stratification Factor of Categorical Semantics in the Modern German Language). In *Grammaticheskie kategorii germanskih yazykov v antropocentricheskoj perspektive* (Grammar Categories of Germanic Languages in the Anthropocentric Perspective). Moscow: Kantsler, 81–89. (In Russian)].
- Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015. [Zhirmunskij, Viktor M. (2015) *Istoriya nemetskogo yazyka* (The History of German Language). Moscow: URSS: Lenand. (In Russian)].
- Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола: Колл. монография / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Издательство «Наука», 1977. [Yartseva, Viktoriya N. (ed.) (1977) *Istoriko-tipologicheskaja morfologija germanskih jazykov. Kategorija glagola: Kollektivnaya monografiya* (Historic and Typological Morphology of Germanic Languages: Collective Monograph). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кацнельсон С. Д.* Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. [Katsnelson, Solomon D. (2010) *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya* (Historic and Grammar Research). Saint Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. (In Russian)].
- Марсель Г.* Быть и иметь. Пер. с франц. Новочеркасск: Сагуна, 1994. [Marsel, Gabriel. (1994) *Vyt i imet* (To Be and to Have). Novocheerkassk: Saguna. (In Russian)].
- Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Дренясова Т. Н.* Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 2: Синтаксис, заключение. Калуга: «Облиздат», 2001. [Mironov, Sergej

- A., Zelenetskij, Aleksandr L., & Drenyasova, Tat'yana N. (2001) *Istoricheskaja grammatika niderlandskogo jazyka. Kniga 2: Sintaksis, zaklyuchenie* (Historic Grammar of the Dutch Language. Book 2: Syntax, Conclusion). Kaluga: Oblizdat. (In Russian)].
- Типология результативных конструкций: (Результатив, статив, пассив, перфект) / Отв. ред. Недялков В. П. Ленинград: Наука, 1983. [Nedyalkov, Vladimir P. (ed.) (1983) *Tipologiya resultativnykh konstruksij: (Rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* (The Typology of Terminative Structures: (Effective, Static, Passive, Perfect)). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Рючина Е. В. Двухместные предикаты в древнеанглийском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [Ryuchina, Elena V. (2006) *Dvukhmestnye predikaty v drevneanglijskom: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Binary Predicates in Old English: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Смирницкая О. А. Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. [Smirnitskaya, Ol'ga A. (1965). *Proiskhozhdenie analiticheskoy formy perfekta v drevnikh germanskikh jazykakh: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (The Origin of Analytical Perfect Verb Forms in old Germanic Languages: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Филичева Н. И. История немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. [Filicheva, Ninel' I. (2003) *Istorija nemetskogo jazyka* (The History of the German Language. Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Ярцева В. Н. «Языковой тип» среди сопредельных понятий // Теоретические основы классификации языков мира / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1980. С. 24–61. [Yartseva, Viktoriya N. (1980) «Yazykovoj tip» sredi sopredelnykh ponyatij (“Language Type” Among the Related Concepts). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Teoreticheskie osnovy klassifikacii yazykov mira* (Theoretical Foundations of the Classification of the Languages of the World). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.: ЛЕНАНД, 2022. [Yartseva, Viktoriya N. (2022) *Istoricheskij sintaksis anglijskogo jazyka* (The Historic Syntax of the English Language). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Fischer, Olga, van Kemenade, Ans, Koopman, Willem, & van der Wurff, Wim. (2000) *The Syntax of Early English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fischer, Olga, & van der Wurff, Wim. (2006) Syntax. In Hogg, Richard, & Denison, David (eds.) *A History of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 109–198.
- Godden, Malcolm R. (2005) Literary Language. In Hogg, Richard (ed.) *The Cambridge History of the English Language. Volume I. The Beginnings to 1066*. Cambridge: Cambridge University Press, 490–534.
- Helbig, Gerhard, & Buscha, Joachim. (1974) *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Enzyklopädie. (In German).
- Hopper, Paul J., & Traugott, Elizabeth C. (1993) *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johannsen, Berit. (2016) From possessive-resultative to perfect? Re-assessing the meaning of [hæbb- + past participle] constructions in Old English prose. In Werner, Valentin, Seoane, Elena, & Suárez-Gómez, Cristina. (eds.) *Re-assessing the Present Perfect*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH, 23–41.
- Lecki, Andrzej. (2010) *Grammaticalisation Paths of Have in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. (Series: Studies in English Medieval Language and Literature 24).